

БОРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович (1800–1844) родился в селе Вяжля Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Русский поэт, переводчик. Боратынский — одна из самых ярких и в то же время загадочных и недооценённых фигур русской литературы. Известный русский поэт золотого века родился в дворянской семье. Отец его был помещик, отставной генерал-лейтенант. В детстве Боратынский учился в частном немецком пансионе в Петербурге, а в 12 лет его отдали в Пажеский корпус. Однако шалости и отказ подчиняться порядкам корпуса привели к тому, что через два года он был оттуда исключен с запретом поступать на военную службу, кроме как рядовым. После этого несколько лет юноша жил в поместьях родных, начал писать стихи. В начале 1819 года Боратынский все-таки решил пойти по стопам предков и поступил рядовым в лейб-гвардии Егерский полк. Он поселился в одной квартире с Дельвигом, подружился с Пушкиным, Кюхельбекером, Гнедичем и начал печататься. В 1820 году Боратынский получил унтер-офицерский чин и был переведен в полк своего родственника, стоявший в Финляндии. Суровость северной природы произвела большое впечатление на этого поэта-романтика. В 1824 году он был назначен в штаб генерала Закревского, где увлекся его женой, «Медной Венерой» Пушкина. На следующий год он был произведен в офицеры. В 1826 году из-за болезни матери Боратынский вышел в отставку и поселился в Москве, женившись на Анастасии Энгельгардт — двоюродной сестре супруги Дениса Давыдова. После издания поэм «Эда» и «Пирры» в 1826 году общественное мнение поставило его в ряды лучших поэтов своего времени. С 1828 по 1831 год Боратынский находился на гражданской службе, в частности как губернский секретарь. После выхода в отставку Боратынский ушел в частную жизнь, обустроив приданое жены — поместье Мураново (позже — Музей Тютчева, родственника Энгельгардтов).

В 1843 году Боратынский с женой и тремя из своих девяти детей отправился в заграничное путешествие. В Неаполе он скончался от разрыва сердца. Наряду с написанием фамилии через О — Боратынский, более распространенным в течение долгого времени был вариант с буквой А. Он закрепился в энциклопедиях и словарях, а не последнюю роль в решении этого вопроса сыграло то, что Пушкин, отзываясь о поэзии друга, писал о нем «Баратынский». Между тем написание фамилии через О доминирует в литературоведении начиная с 1990-х годов и подтверждается биографическими сведениями. Так, фамилия рода Боратынских, как утверждалось в работе племянника поэта, происходит от названия замка Боратын в Галиции. После того как один из представителей рода перешел в русское подданство, из-за особенностей нового языка в написании стала преобладать буква А. Известно, что двойной вариант фамилии доставлял немало хлопот, когда речь шла об официальных документах. Так, сохранилось письмо сына поэта, Николая Евгеньевича Боратынского, в котором он указывает на ошибку в бумагах и объясняет ее происхождение: «...позвольте обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в предъявляемых документах фамилия моя написана Ба-, а не Боратынский, между тем как коренная орфография — Боратынский... <...> Чуждая буква произошла от обыкновения русских выговаривать О как А, в письмах же часто можно принять эту букву за вторую...»

Сам Боратынский подписывал первые стихи как «Евгений Абрамов сын Баратынской». Однако в официальной публикации произведений и в последнем своем сборнике он использовал в подписи другой вариант — «Боратынский». Так же — через О — его фамилия увековечена на надгробии поэта в Александро-Невской лавре.

Чем душа моя богата...

Бокал

Полный влагой искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл...

Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин, —
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твое, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;

За струёю вдохновенной
Не рассеян данник твой

Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной
Таин счастья моего;

Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;

Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой;

Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты

Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуме пророк —
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!

Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей —
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

Больной

Други! радость изменила,
Предо мною мрачен путь,
И болезнь мне положила
Руку хладную на грудь.

Други! станьте вокруг постели.
Где утех златые дни?
Быстро, быстро пролетели
Тенью легкою они.

Всё прошло; ваш друг печальный
Вянет в жизни молодой,
С новым утром погребальный,
Может быть, раздастся вой, —

И раздвинется могила,
И заснет, недвижимый, он,
И твое лобзанье, Лила,
Не прервет холодный сон.

Что нужды! До новоселья
Поживем и пошалим,
В память прежнего веселья
Шумный кубок осушим.

Нам судьба велит разлуку...
Как же быть, друзья? Вздохнуть,
На распутье сжать мне руку
И сказать: счастливый путь!

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.

Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.

* * *

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил,
И верный отклик в лесе диком
Меня смятенно веселил.
Пора другая наступила,
И рифма юношу пленила,
Лесное эхо заменя.

Игра стихов, игра золотая!
Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня!
Но всё проходит. Остываю
Я и к гармонии стихов —
И как дубров не окликаю,
Так не ищу созвучных слов.

* * *

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;
Вольной песнью разольется —
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой.
Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый:
Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

В альбом

Вы слишком многими любимы,
Чтобы возможно было вам
Знать, помнить всех по именам;
Сии листки необходимы;
Они не нужны были встарь:
Тогда не знали дружбы модной,
Тогда, бог весть! иной дикарь
Сердечный адрес-календарь
Почел бы выдумкой негодной.
Что толковать о старине!
Стихи готовы. Может статься,
Они для справки обо мне
Вам очень скоро пригодятся.

* * *

В глуши лесов счастлив один,
Другой страдает на престоле;
На высоте земных судьбин
И в незаметной, низкой доле
Всех благ возможных тот достиг,
Кто дух судьбы своей постиг.
Мы все блаженствуем равно,
Но все блаженствуем различно;
Уделом нашим решено,
Как наслаждаться им прилично,
И кто нам лучший дал совет —
Иль Эпикур, иль Эпиктет?

Меня тягчил печалей груз,
Но не упал я перед роком,
Нашел отраду в песнях муз
И в равнодушии высоком,
И светом презренный удел
Облагородить я умел.
Хвала вам, боги! Предо мной
Вы оправдались отныне!
Готов я с бодрою душой
На всё угодное судьбине,
И никогда сей лиры глас
Не оскорбит роптаньем вас!

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.

Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал;

Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты

Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

* * *

В своих стихах он скукой дышит,
Жужжаньем их наводит сон.
Не говорю: зачем он пишет,
Но для чего читает он?

Водопад

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединят протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет аквилон,
Качает елию скрыпучей,
И с непогодою ревучей
Твой рёв мятежный соглашён.

Зачем, с безумным ожиданьем,
К тебе прислушиваюсь я?

Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!